

ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ

(О фонде Н.П. Фомина в Кабинете рукописей Российского института истории искусств)

Среди многочисленных учеников Н.А. Римского-Корсакова Николай Петрович Фомин (1864—1943) занимает скромное место. Композиторское дарование его не отличалось оригинальностью. Оставаясь в стилевых рамках Новой русской школы, Фомин не стремился к освоению ее новейших достижений, предпочитая более умеренный, «усредненный» путь. Он прошел курс гармонии у А. К. Лядова, все остальные теоретические предметы у Н.А. Римского-Корсакова, долгое время совмещал композицию со специальным классом фортепиано профессора Ф.Ф. Штейна, занимался дирижированием в классе А. Г. Рубинштейна. Всё это характеризует Фомина как разностороннего профессионала, обладавшего рахманиновским (или рубинштейновским) «набором» специальностей.

Незадолго до окончания консерватории Н.П. Фомин познакомился с В. В. Андреевым, и это обстоятельство определило всю его дальнейшую жизнь. 30-летний музыкант стал отцом-

основателем целого направления в инструментальной музыке России, существующего уже 120 лет.

С 1929 года Фомин — доцент Ленинградской консерватории, с 1939-го — профессор. Умер в 1943 году в Ленинграде, отказавшись от эвакуации.

В октябре 1952 года в Кабинет рукописей Российского института истории искусств поступил архив Н.П. Фомина, собранный бывшим секретарем и администратором Великорусского оркестра М.П. Зарайским, горячим поклонником и другом композитора, знавшим его в течение 40 лет.

Судьба архива оказалась не соответствующей его значению, и вызвано это, на наш взгляд, особенным положением Фомина в музыкальной культуре. Как деятель в области русских народных инструментов он музыковедов не интересует, так сказать, а priori, они оставляют эту тему «народникам» (в дальнейшем без кавычек),

которые занимаются изучением своей истории как бы автономно.

Однако фондом Фомина, хранящимся в Кабинете рукописей, пренебрегать нельзя. Например, мемуарные заметки композитора «Из моих воспоминаний»¹ могли бы заинтересовать многих. Атмосфера Петербургской консерватории в период 1883—1891 годов, особенно во времена «второго пришествия» А. Г. Рубинштейна, характеристика необычайной доброты К.Ю. Давыдова, факт присутствия П. И. Чайковского на экзамене по композиции в Петербургской консерватории в мае 1889 года² ... Трудно предугадать заранее, что в этом архиве могло бы заинтересовать исследователей.

Мемуары Фомина — редкое свидетельство о преподавании Рубинштейном дирижирования. Во всяком случае, об этом не сказано в юбилейном консерваторском сборнике 1962 года³, да и известная монография Л.А. Баренбойма о Рубинштейне⁴ как-то обошлась без живописного описания Фоминым этих занятий.

А.В. Гаук, поступивший в Петербургскую консерваторию в 1910 году, в своих воспоминаниях первым профессором дирижирования называет Н.В. Галкина (причем приводит неправильные инициалы: Н.Д. Галкин), затем — Н.Н. Черепнина и Н.А. Малько⁵. Далее, как известно, эстафету продолжил сам А. В. Гаук.

По всей видимости, в 1910 году уже забыли, что дирижерский класс был открыт по инициативе именно Рубинштейна, который и стал его первым профессором в 1889 году,

предположительно до 1891 года — времени окончательного ухода Рубинштейна из консерватории. Эти сведения должны представлять ценность и для исследователей, занимающихся историей дирижерского образования в России.

Разумеется, большая часть рукописей Н.П. Фомина отражает его деятельность в сфере строительства и развития русского народного оркестра. Николай Петрович никогда не стремился к печатному слову (за единственным исключением)⁶, поэтому все оставшиеся его рукописи сосредоточены в РИИИ. Время, прошедшее с 1952 года, показало, что народников наследие Фомина интересовало немногим больше, чем музыковедов. Это требует пояснений.

В конце 1918 года умер В.В. Андреев. Большевики перенесли столицу России в Москву, где уже десяток лет до этого разворачивалась деятельность Г. П. Любимова, создателя другого типа оркестра народных инструментов, построенного на принципах отрицания великорусской модели. От того, чей оркестр займет лидирующее положение, зависело преобладание (если не господство) того или иного типа оркестра во всей России. С этой целью летом 1919 года часть музыкантов Великорусского оркестра во главе с П.И. Алексеевым (концертмейстером) переехала в Москву, где совершила подвиг, переориентировав музыкальную самостоятельность столицы на свой тип оркестра, выиграв все ответственные соревнования с оркестром Любимова.

В 1936 году формирование Государственного оркестра народных инструментов СССР было поручено именно Алексееву⁷. Андреевцы сделали невозможное — они убедили большевистское правительство в том, что оркестр, руководителем которого был солист Его Императорского Величества В.В. Андреев, лучше отвечает задачам социалистического строительства, чем оркестр, созданный участником революции 1905 года, бывшим каторжанином, сыном народовольца Модестом Николаевичем Карауловым (Г. П. Любимов — это псевдоним, как почти у всех революционеров).

В ходе противостояния В.В. Андреев был, если можно так выразиться, канонизирован: его объявили единственным создателем Великорусского оркестра, организованного им при участии помощников. Безусловно, Андреев был инициатором и «душой» всего предприятия, его талантливым хозяином (он во многом напоминает Дягилева), высокоодаренной личностью вообще.

Парадокс (если не абсурд) ситуации проявился в том, что, например, трое из «помощников», затем ставшие профессорами (Н.И. Привалов — Археологического института, Н.П. Фомин и Ф.А. Ниман — Петербургской консерватории), представлялись подмастерьями, ждущими указаний музыкально неграмотного В.В. Андреева⁸. Напоминаем, что речь идет о профессиональном оркестре, функционирующем в системе нотной традиции музицирования.

Есть несколько свидетельств музыкальной неграмотности Андреева (отсутствие нотных автографов, дирижирование только «на слух» с запоминанием музыки во время репетиционной работы Фомина, Нимана и других, и т. д.), но главное свидетельство находится в рукописях Н. П. Фомина⁹, который довольно подробно описал, как ему не удалось уговорить или заставить Андреева освоить нотную грамоту. Это и есть та причина, по которой народники, фигурально выражаясь, обходят Исаакиевскую площадь стороной.

Опровергнуть Фомина, бывшего рядом с Андреевым на протяжении 30 лет, одного из немногих сохранивших дружеские отношения с ним до конца, практически невозможно, разве что просто обвинить в намеренной лжи. Доктор искусствоведения М.И. Имханицкий так и сделал, заявив, что Н.П. Фомин дискредитировал В. В. Андреева потому, что В. П. Киприянов (!) в своих брошюрах и высказываниях явно недооценивал его (Фомина) значение в общем деле¹⁰. Логика очень странная. На самом деле всё гораздо проще: то, что было когда-то явным, со временем стало тайным, вплоть до публикаций автора этих строк в журнале «Народник»¹¹.

Нельзя сказать, что народники совсем не используют архив Фомина, это происходит, но очень осторожно и выборочно, не затрагивая «запретных» тем. Здесь срабатывает общий закон пишущих народников: чем меньше раскрывается деятельность Н.П. Фомина, Н.И. Привалова, Ф.А. Нимана, В.Т. Насонова — тем лучше для В.В. Андреева, и наоборот.

Говоря о составе Великорусского оркестра, необходимо отметить: Н.П. Фомин исправил ошибки В.В. Андреева в создании балалаечной группы, рассчитал параметры новой домровой

группы, установил общий строй оркестра, изобрел клавишные гусли. Что остается на долю Андреева? Только ошибки в создании балалаечной группы.

Многое из наследия Фомина достойно публикации в целях противостояния той мифологии, которая уже много лет пропагандируется исследователями-народниками.

Теперь о другом. В фонде Фомина есть две родословные Фоминых. Одна из них подлинная, но неполная¹², другая — полная, но фальшивая¹³. Проведенный нами анализ содержащейся в этих документах информации должен послужить предупреждением для будущих исследователей, изучающих этот вопрос.

Совпадение фамилий Николая Петровича и Евстигнея Ипатьевича (композитора XVIII века) не обошлось без утверждений об их родстве. Первое упоминание об этом встречается в энциклопедии «Брокгауз и Эфрон»: автор статьи о Н.П. Фомине композитор и профессор Санкт-Петербургской консерватории Н.Ф. Соловьёв пишет, что Н.П. Фомин является «родственником Евстигнея Фомина»¹⁴.

Сам Николай Петрович нигде об этом не писал, даже там, где для этого появляется повод. Фомин и Соловьёв были знакомы (этому есть доказательства) и наверняка беседовали на эту тему. Забегая несколько вперед, скажем, что Фомин не знал отчества своего деда (Иллариона), который мог бы быть (по времени) сыном Евстигнея. Поэтому он не мог утверждать родство, но по той же причине не мог и отрицать его. Возможно, Соловьёв просто выбрал одну из двух вероятных версий.

После публикации Соловьёва тема происхождения Фомина надолго исчезает из литературы. Только в 1969 году в одной из работ известного деятеля в области народных инструментов А. С. Илюхина появляется сообщение, что «Николай Петрович Фомин правнук выдающегося русского композитора XVIII века Евстигнея Ипатьевича Фомина»¹⁵.

Удалось установить источник, которым воспользовался Илюхин: 24 мая 1956 года он получил письмо от М.П. Зарайского, в котором тот сообщал о родстве композиторов без каких-либо сомнений¹⁶.

Прежде чем начать описание родословных, подчеркнем, что сведения XVIII века здесь не помогут, поскольку о семейном положении Е.И. Фомина ничего не известно.

Первая родословная, написанная рукой Н.П. Фомина и получившая в перечне документов название «Родословная от Фомы», была составлена после смерти отца, Петра Илларионовича. Это было до кончины родной сестры Николая Елизаветы (об этом явно свидетельствует дополнительная запись), т.е. в промежутке между 1 февраля 1888 и 7 (или 1?) декабря 1890 года¹⁷.

Н.П. Фомин начал интересоваться предками несколько поздно, когда многих старших родных уже не было в живых, некоторые сведения нам пришлось находить в других источниках. Сейчас искомой фигурой является дед Илларион (предполагаемый сын Е.И. Фомина), отчества которого, повторяем, внук не знал, известен был только год рождения (1787) и то, что выше его по древу помещен некий Исая, но кем он приходился Иллариону не ясно. Как могло получиться, что внук знал год рождения деда, но не знал, когда он умер?

Здесь опять приходится использовать другие сведения и пояснить, что дед умер за 10 лет до рождения внука. Брат отца Павел скончался за пять лет до появления на свет Н.П. Фомина, другой брат отца Михаил умер, когда племяннику было всего шесть лет. Была еще тетка Екатерина, но о ней в родословной нет вообще никаких сведений; по-видимому, у нее с семьей брата не было контактов. Даже мать Н.П. Фомина Мария Ивановна Сизикова, первый ребенок которой (Елизавета) родился в 1862 году, т.е. через восемь лет после смерти деда Иллариона, вряд ли успела познакомиться с тестем.

Другая родословная выделяет только мужскую линию и дает предельно простую и ясную картину. Почерком, похожим на почерк Н.П. Фомина, но гораздо более крупным, написано: «Ипат Фомин (род. в 1726 году), Евстигней Ипатьевич (5 августа 1761 — 11 апреля 1800), Илларион Евстигнеевич (3 июля 1797—5 марта 1851), Пётр Илларионович (6 октября 1819—1 февраля 1888), Николай Петрович (2 августа 1864)», далее карандашная запись другой рукой: «19 ноября 1943 года»¹⁸.

Для специалистов по русской музыке XVIII века эта родословная содержит по крайней мере четыре сенсации, но мы не станем на них задерживаться, так как удалось найти надпись, бывшую на могиле деда Иллариона: «Фомин Иларион (sic. — Б. 71) Исаевич, кол. асс, умер 5 января 1854 года, 66 лет»¹⁹. Отсчитываем назад возраст и получаем год рождения 1787, что соответствует первой родословной и отличается от подделки на десять лет (1797). Теперь Исая, бывший под вопросом, занимает место Е.И. Фомина в поддельной родословной, и всё становится на свои места.

Последнее уточнение: теоретически существует возможность, что Илларион Исаевич — однофамилец и относится к роду других Фоминых. Исключим это сомнение: на территории этой же могилы позднее захоронены Михаил Илларионович (дядя Н.П. Фомина) и его супруга Прасковья Дмитриевна, урожденная Масленникова, обозначенные в первой (настоящей) родословной.

Можно выдвинуть две версии появления фальшивой родословной — серьезную и шутивную. Как уже было сказано, рукописи Н.П. Фомина в РИИИ передал М.П. Зарайский. Он единственный из народников постоянно утверждал, что В. В. Андрееву принадлежит только идея возрождения русских народных инструментов, а создание оркестра целиком выполнено Фоминым. Зарайский много, а главное, своевременно сделал для сохранения памяти как об Андрееве, так и о Фомине, это был человек неумеренной энергии, не останавливающийся перед препятствиями, и преданнейший поклонник особенно Н.П. Фомина. Учитывая общую склонность народников к мифотворчеству и наличие статьи в энциклопедии «Брокгауз и Эфрон», не будет неожиданным предположением, что Зарайский до передачи документов в Кабинет рукописей соблазнился возможностью «восстановить» родословную, поручив кому-нибудь написать сочиненные им поправки, так как его собственный почерк весьма далек от почерка на документе.

Шутивная версия родилась после прочтения мемуаров известного фельетониста и писателя А.В. Амфитеатрова (1862—1938), современника Н.П. Фомина: «Короткая история фамилии (Чупровых. — Б. Т.), собственно говоря, начинается достоверно только с дедушки Ивана Филипповича Чупрова (отца матери моей Елизаветы Ивановны Чупровой). Прадед уже теряется в мраке конца 18 и в первых годах 19 века. Кроме того, что его звали Филиппом да что он был духовного звания и не то священствовал, не то дьяконствовал где-то в селе под Мосальском (Калужской губернии. — Б. Т.) — я ничего о нем не знаю и не помню, чтобы когда-либо слышал рассказы от матери или дядей и теток. Они все очень мало интересовались своим родословием. Не помню, кто из родни однажды придумал им сербское происхождение, — будто потому они и Чупровы, что предки их пришли в Россию при Екатерине из сербского города Чуприи. Это очень смешило самих Чупровых, и один из них, дядя Алексей Иванович, большой юморист, не раз морил нас со смеху, доказывая свое прямое родство с Марком Краевичем, а следовательно, и права на сербский престол»²⁰.

Конечно, сравнение не доказательство, но из данного фрагмента видно, как представители класса мелкого чиновничества, не имея знатных или выдающихся предков, действительно «мало интересовались своим родословием»²¹ и могли восполнять его шутками.

Если бы Н.П. Фомин хотя бы один раз посетил могилу деда, рядом с которой захоронены родной дядя с женой, то он, по крайней мере, не сомневался бы в отчестве деда, а следовательно, и в имени прадеда. Сама идея подделки родословной (по любой причине) могла возникнуть только «на пустом месте», то есть, из-за неясности в отчестве деда.

Наше «расследование» не отрицает того, что у Евстигнея Ипатовича Фомина могли быть и дети, и внуки, и правнуки; оно только показало, что род Фоминых, к которому принадлежал Николай Петрович Фомин, не имеет к нему отношения. К сожалению, наше самое солидное справочное издание — шеститомная «Музыкальная энциклопедия»²² уверяет читателя в обратном.

Б.А. Тарасов

Примечания

¹ КР РИИИ, ф. 27, оп. 1, № 3.

² Комментаторам писем П.И. Чайковского этот факт неизвестен. См.: Чайковский П.И. ПСС. Т. 15-А. М., 1976. С. 114.

³ 100 лет Ленинградской консерватории. 1862-1962. Исторический очерк. Л., 1962.

⁴ Баренбойм Л.А. Антон Григорьевич Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. Т. 1—2. Л., 1957—1962.

⁵ Александр Васильевич Гаук. Мемуары. Избранные статьи. Воспоминания современников. М., 1975. С. 30.

⁶ Фомин Н., Дудин А., Каркин П., Волгин И. Нужны ли нам четырехструнные домры? // За пролетарскую музыку. 1931, № 11. С. 21-22.

⁷ С 1946 года этот оркестр носит имя Н.П. Осипова.

⁸ Что должен был подумать Н.П. Фомин в 1938 году, когда Управление по делам искусств Ленгорисполкома поздравило его с 50-летием творческой деятельности, назвав учеником (!) В.В. Андреева и перепутав к тому же отчество юбиляра? (РГАЛИ, ф. 695, оп. 1, ед. хр. 134, л. 3).

⁹ КР РИИИ, ф. 27, оп. 1, №4.

¹⁰ Имханицкий М.И. В. В. Андреев и современность // Народник. 2008. № 1. С. 18.

¹¹ См.: Тарасов Б.А. В поисках истины: Публикация третья и последняя (ответ на статью М.И. Имханицкого «В. В. Андреев и современность» // Народник. 2008, №3. С. 12, 14.

¹² КР РИИИ, ф. 27, оп. 1, №2 (родословное древо).

¹³ Там же. № 1, л. 11 (родословная в тетради с автобиографией).

¹⁴ Энциклопедический словарь. Издание Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 82. СПб., 1904. С. 948.

¹⁵ Илюхин А. Материалы к курсу истории исполнительства на русских народных музыкальных инструментах. Вып. 1. М., 1969. С. 17.

¹⁶ Зарайский М.П. Краткий биографический очерк (о Н.П. Фомине). Рукопись. РГАЛИ, ф. 2767, оп. 1, ед. хр. 808.

¹⁷ КР РИИИ, ф. 27, оп. 1, № 2.

¹⁸ Там же. №1, л. 11.

¹⁹ Петербургский некрополь. Т. 4, СПб., 1913. С. 720.

²⁰ Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. М., 2004. С. 48.

²¹ Другой пример: Владимир Иванович Танеев (брат композитора) своего прадеда Михаила Тимофеевича именовал Михаилом Трофимовичем, «а о прабабке вообще ничего не сообщил». См.: Новое о Танееве. Изд. ГЦММК им. М.И. Глинки. М., 2007. С. 34.

²² См.: Музыкальная энциклопедия. Т. 5. М., 1981, Стлб. 864-865.